

Феномен
Б. Акунина

РАЗВЛЕЧЕНИЕ ДЛЯ ВЗЫСКАТЕЛЬНОГО ЧИТАТЕЛЯ

Признаюсь, я долго не раскрывала романы Б. Акунина, о которых много говорили. Сдалась на отдыхе — и залпом прочитала все. Что-то в этих историях из жизни «России, которую мы потеряли» было такое утешительное, что не хотелось расставаться с этими маньяками и убийцами, с которыми лихо расправлялся по-мужски обаятельный и по-русски рефлектирующий Эраст Фандорин. Поэтому беседа с Б. Акуниным, или переводчиком с японского, заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература» Григорием ЧХАРТИШВИЛИ, начала с вопроса: не идеализирует ли он часом выбранную эпоху — вторую половину прошлого века?

— Здесь фокус не во времени: та эпоха действительно трагическая, период тупиковых путей и упущенных возможностей. И притягивает она не историей страны, а историей русской литературы. Я убежден, что ничего более замечательного, чем русская литература второй половины XIX века, наша страна не создала, и неизвестно, создаст ли. Написанное Достоевским, Толстым, Тургеневым и другими до такой степени неотразимо и, прошу прощения за надоевшее слово, харизматично, что даже те солнечные зайчики, которые я пускаю от этого большого солнца своими детективами, привлекают.

Ведь набор моих действующих лиц на самом деле читателю хорошо знаком. Это Настасья Филипповны, Рогожины, Макары Девушкины и так далее. Другое дело, что я не оставляю их такими, какие они есть: во-первых, это у меня вряд ли бы получилось, а во-вторых, это не так интересно. Ведь когда читатель узнает некий знакомый персонаж, он ждет от него определенной линии поведения, а я его обманываю.

— То есть вы заведомо имеете дело с литературным материалом, играете с ним, а собственно реальность вас не интересует?

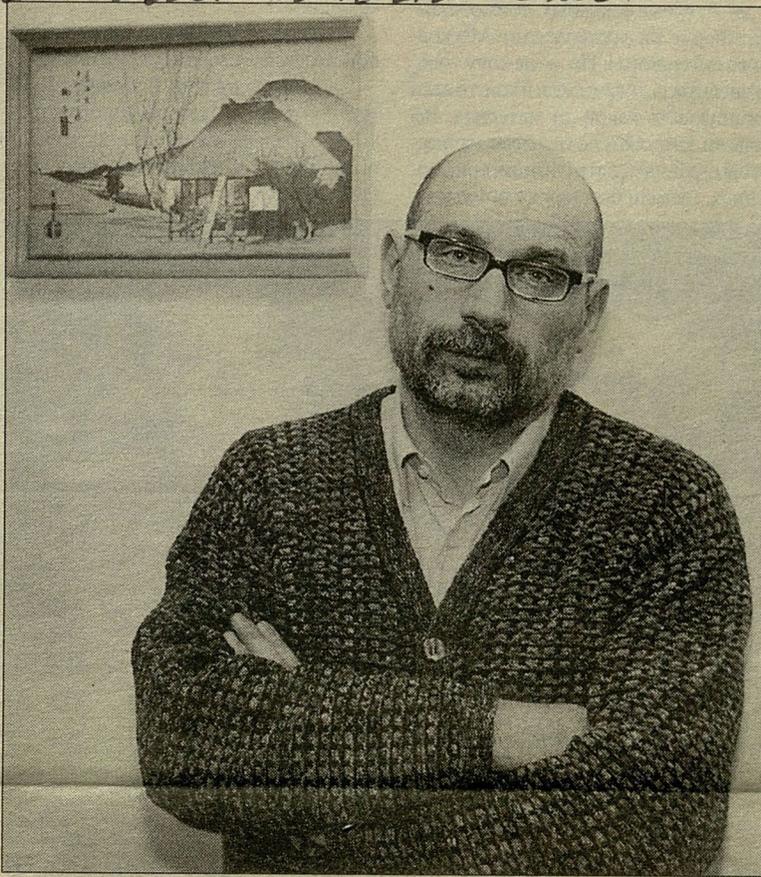
— В каком-то смысле да, я вообще очень люблю играть. И сочинение беллетристики для меня — тоже игра, которую я веду с читателем. Конечно, далеко не все захотят принять в этом участие, но, как выясняется, многие и соглашаются. Я пишу так, чтобы было интересно мне самому.

— А откуда ваша осведомленность по части бытовых реалий эпохи?

— Я по образованию историк, а перед тем как писать роман, привязанный к определенному году, я, естественно, все про это время, включая газеты и архивные материалы, прочитываю. Но в принципе я себя не чувствую связанным историей. Если и беру исторический персонаж, то слегка меняю его имя, и тогда он уже принадлежит мне, я делаю с ним, что хочу.

— Чем вы объясняете причину популярности своих романов, в том числе у тех, кого не назовешь потребителем массовой культуры?

— Все не своими достоинствами, а, может быть, тем, что я одним из первых в этой стране попытался соединить два жанра — высокий и низкий. У нас всегда отсутствовало промежуточное звено — развлекательное чтение для взыскательного читателя. Так было и в прошлые, и в советские времена, за редчайшими исключениями вроде Алданова, а между тем это род литературы, который необходим любому человеку. Даже если он жить не может без Хайдеггера, все равно ему надо дать отдушину. В книжках, которые я сочиняю, нет ничего сложного. Там есть исторические и литературные игры, но вникать в них совершенно необязательно, потому что, я надеюсь, сюжет

та достаточно и самого по себе. Мой читатель — это человек, который может получить удовольствие не только от сюжета, но и от стиля.

— А сами вы поклонник остросюжетной литературы?

— Конечно. Я очень люблю детективы, много переводил их, еще в советские времена был составителем сборника японских детективов. Если вы спросите, к какой партии я принадлежу — поклонников Конан Дойля или Агаты Кристи, то я предпочитаю Шерлока Холмса, то есть более фактурный детектив, когда ты получаешь удовольствие не только от разгадки, но и от самого процесса разгадывания.

— Что явилось причиной того, что вы стали писателем?

— Тому несколько причин. Мне исполнилось сорок лет, а это тот возраст, когда нужно пытаться привнести что-то принципиально новое в свою жизнь, потому что иначе начинаешь двигаться вниз. Я тогда работал над книжкой «Писатель и самоубийство», в связи с чем приходилось изучать сотни неслесных историй. И хотелось сделать что-то другое, легкомысленное. Я начал писать «Азazel». А потом уже втянулся, понял, что массовая литература — это очень занятное упражнение. Страшно интересно работать с простыми материалами: из воды, песка и глины можно построить что-то не менее любопытное, чем из золота и серебра. Наконец, это еще вопрос, какая именно литература больше возмущает на людей — серьезная или развлекательная. Я вовсе не ставлю перед собой задачу на кого-то воздействовать. Но поскольку я живу в стране, где невозможно не думать о том, что происходит вокруг и что будет завтра, у меня есть суждения, которыми хочется поделиться: но не в прямой форме, а с помощью персонажей, необязательно главных.

Мне кажется, что период с 60-х годов прошлого века до революции многое помогает понять в сегодняшней жизни. От многих ошибок можно было бы уберечься, заглянув в прошлое. Думаю, в том, что произошло в 17-м году и позже, виноваты не большевики — виновата власть. Власть всегда виновата — на ней лежит ответственность, и если в стране происходит трагедия, значит, власть не справляется со своими обязанностями. Если Николай II был не-

достаточно силен, чтобы управлять такой сложной страной, значит, не надо было так цепляться за самодержавие.

— А что вы думаете о вине интеллигенции, которая иступленно распатывала эту власть, в том числе и с помощью великой русской литературы, которая, как мы выяснили, единственное наше подлинное национальное достояние?

— Мне кажется, этой вины нет. Интеллигенция во все времена должна находиться в оппозиции к власти. Когда я вижу, как наши деятели культуры сладострастно и самозабвенно принимают к плечу или руке сильных мира сего, мне представляется это чем-то глубоко неправильным. Я не согласен с Солженицыным и с теми, кто основную причину случившегося в России видит в либеральной интеллигенции.

— Ваш герой Эраст Фандорин привлекает как раз интеллигентностью и нетипичной для сыщиков рефлексивностью. А он верой и правдой служит царю и отечеству.

— Фандорин — русский супермен, с ударением на первом слове. То есть супермен сомневающийся, с тем трагическим флером, который совершенно не нужен Джеймсу Бонду, и, кроме того, это человек, который все время меняется. У него простой кодекс поведения, основанный не столько на теории, сколько на инстинкте нравственной чистоплотности. Невозможно преобразовать мир, построенный на хаосе, но можно попытаться упорядочить пространство в непосредственной близости от тебя, то есть, попросту говоря, вести себя порядочно. В истории столкновения власти и революционеров, а именно она определяет содержание российской жизни конца прошлого века, нет правых и виноватых. Обе стороны по-своему правы. И Фандорин в своем поведении руководствуется высказыванием Конфуция, который говорит, что благородный муж служит государю до тех пор, пока это служение не вступает в противоречие с его внутренним миром.

В каком-то смысле Фандорин — моя мечта о положительном герое. Мне всегда в них чего-то не хватало: Печорин слишком эгоистичен, князь Мышкин не может защитить себя и тех, кто ему дорог, полковник Най-Турс у Булгакова эпизодичен... И я чисто меха-

нически попробовал соединить в одной пробирке черты названных персонажей плюс некоторые качества агента Купера плюс еще что-то. На четвертом романе, не раньше, он стал превращаться для меня в живого человека, весьма упрямого, кстати, который меня уже и не слушается.

— После фандоринской серии появился провинциальный детектив с героиней-женщиной и современный, из новой серии «Приключения магистра». Ваши личные эмоции в них по-прежнему отсутствуют?

— Конечно. Беллетристика вообще не тот жанр, где надо выплескивать боль, хотя такая точка зрения непопулярна в русской литературе. По поводу современности мне хотелось написать что-то недепрессивное и показать, что в этой стране, несмотря ни на что, жить можно, что ее, несмотря ни на что, можно любить.

— Популярность изменила вашу жизнь?

— Я не любитель публичности, не встречаюсь с читателями и не подписываю книжечек — мне это не доставляет удовольствия. Поначалу я вообще не хотел, чтобы друзья и коллеги знали, что я сочиняю детективы (отсюда псевдоним): у нас в стране этот род литературных занятий считается не вполне приличным, а я все-таки работаю в солидном журнале и так далее. Теперь уже не занимаюсь переводами и хочу уходить из «Иностранной литературы», потому что не успеваю добросовестно справляться со своими обязанностями.

— Насколько я знаю, сейчас на ОРТ готовится телевеерсия фандоринского цикла.

— Контракт подписан, и работа над «Азazelем» идет. Режиссером я сразу выбрал Александра Адабашьяна, который до этого моих романов не читал. Контракт предусматривает мое право утвердить актера на главную роль и, что особенно важно, большой бюджет фильма, какого у наших сериалов не было еще никогда. За две копейки ничего хорошего не снимешь.

— Что вы думаете о будущем нашей литературы?

— С русской литературой все будет очень хорошо, причем очень скоро. Ведь наша страна в значительной степени выдумана литературой, построенная на ней и без нее существовать не может. У нас очень много талантливых людей. Отличным образом в России прижилось интернетовское пространство, в том числе в культурном и литературном смысле, что меня очень радует. Рядом с Пелевиным и Сорокиным появляются новые имена, например, Михаил Шишкин с романом «Взятие Измаила». Благодаря этому произведению я стал понимать, зачем сейчас, в начале XXI века, люди все еще пишут серьезные исповедальные вещи. Великолепный роман написала Татьяна Толстая — там такие игры со стилем и словом, что доставляют просто физическое удовольствие. Макс Фрай, интернетовский персонаж, по-моему, очень талантлив, не знаю, он это или она. Мне нравится, как пишет Григорий Петров, — у него есть занятное взаимопроникновение современности и русской истории.

Функция литературы сейчас изменилась — она заняла более естественную для себя позицию. Во времена советской власти и раньше — ведь при царе свободы-то все равно не было — литература вынуждена была становиться учителем жизни. Сегодня место у нее, может быть, более скромное, но более верное и надежное.

Беседа вела Нина АГИШЕВА

10-16/X-2002

Акунин
Фандорин